

Винкельман А. М.

РОМАН Е. И. ЗАМЯТИНА «МЫ»:
О √-1 СЛЕДУЕТ МОЛЧАТЬ

*И, значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
... И, значит, остались только
иллюзия и дорога.
И быть над землёй закатам,
и быть над землёй рассветам.
Удобрить её солдатам.
Одобрить её поэтам.*

Иосиф Бродский

Сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек¹. Вне всякого сомнения, сумерки уже наступили. «XX век — это век сомкнувшихся, сцепившихся недоразумений, которые воспроизводятся, и расцепить эти сцепления очень трудно»². Так пишет о современной ему эпохе Мераб Мамардашвили. С этим почти невозможно спорить, ведь XX век — Рубикон, перейдя через который, мир уже никогда не станет прежним.

Вся современная³ культура и философия — попытка осмыслить событие, коренным образом изменившее ход истории — Первую Мировую Войну. На этой войне погибло не только бесчисленное множество людей, но и Ratio. То самое Ratio с большой буквы, отвечавшее за логику мирового развития. Идея, будто бы мир устроен рационально, в нем существует некий порядок, план, которому можно доверять, ибо он ориентирован на благо человека, была публично и с позором уничтожена. Перед человечеством впервые в истории была поставлена действительно *античеловеческая* задача.

1 Гегель Г.В.Ф. Философия права. - М.:Мысль, 1990. С. 56.

2 Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. - СПб.: Азбука, 2014 С. 501.

3 Под современной тут понимается такая культура, которая касается нас, предполагает акт осмысления; проблема, поставленная этой культурой, болезненно нас касается.

Вплоть до XX в. считалось, что общественные процессы, в особенности формирование общественного сознания — дело стихийное. Однако с появлением средств массовой коммуникации управление этой стихией стало возможно. Мыслимо ли это, создать индустрию сознания? Такую, чтобы каждое отдельное сознание при этом обслуживало социальные структуры, ничего не подозревая.

Речь идет о совершенно новой идеологии. Сама по себе идеология ни плоха ни хороша, даже совершенно необходима для существования общества. Покажем это таким образом: идеология имеет определенную целевую направленность, в том смысле, что она неразрывно связана с какой-либо задачей, у нее есть некая функция. Но решение о характере идеологии можно вынести тогда, когда будет ясно, что на самом деле стоит вместо слов «определенную», «какой-либо» и «некая» .

Однако мы в молчаливом согласии знаем, какие слова действительно были подставлены в XX в. И если внимательно всмотреться в эти слова, станет ясно, что идеология разрушительна для человека прежде всего тем, что она по сути своей лежит вне вопросов об истине и лжи. У нее особая задача — ей нужно быть эффективной. А значит, мы не имеем ни права, ни зачастую возможности, спросить об основании идеологии. Для себя самой она абсолютно истина, она и *есть истина*. И когда Рубашов «Слепящей тьме» А. Кестлера задал вопрос *об основании* идеологии, ответ, как известно, пронзил его голову свинцом.

Идеология вообще претендует на абсолютное господство: все, что не идеология либо выносится *за границу*, либо *ликвидируется*. Такую идеологию, последовательно доведенную до саморазрушающегося предела, мы рассмотрим на примере гениальной контрутопии Евгения Замятина «Мы». В. Кантор справедливо отмечает, что это именно не утопия, а контрутопия. Обратимся к определению: «На мой взгляд, контрутопия строится, как *реакция на то, что уже существует в жизни, в доведении этих жизненных интенций до логического конца*⁴ (курсив мой — А.В.)».

В 1920 году Евгений Замятин закончил свой роман «Мы». В самом общем виде, не ошибемся, если скажем, что роман, написанный на грани двух эпох, о том, как механизация жизни и тотальная несвобода разрушает человеческое сознание. Действительно, читатель «Мы» оказывается в далеком гипотетическом будущем, где главный герой

4 Кантор В. К. О сошедшем с ума разуме. К пониманию контрутопии Е.И. Замятина «Мы» // Философский журнал. 2011. № 2. С. 143.

романа Д-503 занимается постройкой космического корабля «Интеграл», который, по плану Единого Государства, понесет на своем борту послание к невежественным жителям за стеной. Параллельно с этим назревает восстание внутри Стеклянного города и разворачивается история, к слову, не вполне законной любви Д-503 и I-330. Но самое для нас главное то, что в Д-503 на протяжении всего романа происходит ожесточенная борьба *ratio*, логики и диких стихийных чувств.

«Мы несем математически безошибочное счастье» значит в первой дневниковой записи Д-503. Вывести формулу счастья кажется нам неосуществимой, ирреальной идеей. Но ясно написано: Мы ее уже несем.

«...высшая сила логики очищает все, чего бы она ни коснулась»⁵ уверенно заявляет Д-503. Так устроен мир, по крайней мере, мир, огражденный от хаоса Зеленой стеной. Кстати, всего лишь несколько месяцев спустя, в 1921 году увидел свет еще один «мир логики» — мир Людвиг Витгенштейна. «Логика наполняет мир» гласит афоризм 5.61 Логико-философского трактата. Граница мира, а далее — тишина. То, о чем нужно молчать. За границей то, к чему мы уже не можем применить логику, то, где не может быть логики, наконец, то, что можно понять только самосознанием высшего порядка — душой.

«...работа высшего, что есть в человеке — рассудка, сводится к непрерывному ограничению бесконечности»⁶. Таким образом, у Замятина, Д-503 проводит витгенштенианскую границу в самом негативном смысле. О такой границе нельзя даже мыслить по обе стороны. По ту сторону границы для Д-503 лежит ничто. «...голое, непристойное ничто»⁷.

Однако вернемся в Единое Государство. Там, совсем еще юный, Д-503 изучает основу основ — математику. Робот Пляпа объясняет детям иррациональные числа. Не впадая в математические тонкости обратимся к тексту Замятина: «всякому уравнению, всякой формуле в поверхностном мире соответствует кривая или тело. Для формул иррациональных мы не знаем соответствующих тел, мы их не видели»⁸. Подобную проблему решали еще пифагорейцы; никак не могли взять в толк, отчего у «идеального» квадрата невозможно «нормаль-

5 Замятин Е. Мы. - СПб.: Азбука, 2014. С. 29-46.

6 Там же. С. 79.

7 Там же. С. 74.

8 Там же. С. 106.

ным» числом выразить диагональ. Впрочем, беда Д-503 другого рода.

«Не хочу $\sqrt{-1}$! Выньте из меня $\sqrt{-1}$ », — кричит Д-503. «Этот иррациональный корень врос в меня, как что-то чужое, инородное, страшное, он пожирал меня — его нельзя было осмыслить, обезвредить, он был вне *ratio*»⁹. Точнее она — это была душа.

Удивительно, но не осмыслив душу, в Едином Государстве вполне «успешно» осмыслили Бога. Религиозная символика вообще пронизывает роман от начала до конца. Так, Каменные скрижали Моисея выворачиваются наизнанку и становятся Часовыми скрижалями. Да и сам стеклянный город — антитеза Иерусалима. «...город подобен чистому стеклу...и не войдет в него ничто нечистое, а только те, кто написаны у Агнца в книге жизни»; а мы по сюжету романа знаем, что «в книгу жизни» попасть было непросто.

Но как же удалось Единому Государству вписать Бога в своё «безошибочное уравнение»? «Царствие мое не от мира сего», сказано в Евангелии от Иоанна (18:36), но, как отмечает С. Франк «человеческий дух непрестанно ищет более, как ему кажется, понятного, естественного, и разумного понятия царства или победы над миром»¹⁰. В Стеклянном городе идеология становится новым Богом. Богом, которому приносят якобы «спокойную и обдуманную жертву», Богу, который здесь, с нами, стал как мы. А жизнь наша стала божественно-разумна. Но, увы, не божественна. Она стала рабской.

А ведь об этом предупреждал еще Ф. Ницше. Усредненный идеологией разум неизбежно приведет нас к рабству. Идея сверхчеловека — индивидуальна. Это личное усилие, личная воля, личное преодоление¹¹. Когда разум одного из толпы будет вглядываться вперед — он ничего не увидит, кроме голов перед собой. Об этом писал и Достоевский, что блестяще выразил Н. Бердяев: «...глубокая вражда Достоевского к социализму, к Хрустальному Дворцу, к утопии земного рая»¹². Достоевский называл это Эвклидовым умом. Такой ум не в силах постичь идею свободы. «Она недоступна ему как совершенно иррациональная тайна»¹³. Человек Эвклидова ума мнит, что он сотворит

9 Там же. С. 59.

10 Франк С. Свет во тьме. - [Электронный ресурс] // URL: <http://coollib.com/b/231799/read>

11 Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. СПб.: Азбука, 2013.

12 Бердяев Н. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: АСТ МОСКВА, ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 411.

13 Там же. С. 432.

мир много лучше того, что сотворил Бог. «Бунт...неизбежно приходит к безграничной власти необходимости в мышлении и безграничному деспотизму в жизни...Оказывается, что бунтующая идея свободы привела к отрицанию самой идеи свободы...Ибо, поистине, можно принять Бога и принять мир...если в основе бытия лежит тайна иррациональной свободы»¹⁴.

Иррациональная свобода — душа; $\sqrt{-1}$, который так мешает существовать Д-503. «Бесконечно огромное и бесконечно малое, с жалом $\sqrt{-1}$...», так говорит герой Замятина о своей «болезни». Интересно, что описание внешности своего героя Е. Замятин дает лишь к середине текста, причем, почти сразу после того, как Д-503 был поставлен страшный диагноз. У него появилась душа. Вряд ли это совпадение. Скорее, еще одно подтверждение тому, что наше Я познается не рационально, во всяком случае, *не только* рационально.

«Я — перед зеркалом. И первый раз в жизни вижу себя ясно, отчетливо, сознательно, — с изумлением вижу себя как кого-то «его». Вот он я...»¹⁵. Наконец, с появлением души у Д-503 появляются «больше, чем мысли». Но пока еще «меньше, чем сердце». Однако совсем скоро сердце героя будет во власти любви. I-330 — символ бунта, иррационального, хаоса, готовая умереть за идею, но не способная жить с чужой идеей. Свою любовь Д-503 уже не может свести ни к формуле, ни к розовым талонам. Любовь способна прорваться через любые рациональные затворы, ее не урегулируешь «движением трамвая»¹⁶, как это было у Рубашова. «Разум бессилен перед криком сердца»¹⁷. Но даже математически вычислив, что любовь неразрывно связана со смертью, Д-503 пишет: «...в том-то и ужас, что мне хочется опять этой вчерашней блаженной смерти...я хочу даже этой боли — пусть»¹⁸. Он вдруг начинает понимать — дело не в том, что отрицательный коэффициент уменьшает сумму счастья, а в том, что у счастья нет коэффициента вообще.

Мир счастливого совершенно другой, чем мир несчастного¹⁹

14 Бердяев Н. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. - М.: АСТ МОСКВА, ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 432-433

15 Замятин Е. Мы. СПб.: Азбука, 2014. С. 74.

16 Кестлер А. Слепящая тьма. - [Электронный ресурс] URL: <http://www.lib.ru/INPROZ/KESTLER/tma.txt>

17 Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. - [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.ru/library/camus/01/0.html>

18 Там же. С. 133.

19 Витгенштейн Л. Философские работы (Часть 1). М.: Гнозис, 1994.

[«ЛФТ», 6.43]. Я есть мой мир²⁰ [«ЛФТ», 5.63]. Мир и жизнь едины. [«ЛФТ», 5.621]²¹ Значит ли это, что Я и моя жизнь едины? Для Д-503 это не очевидно. Только став «одушевленным», человеком среди объектов, он задает себе вопрос: «...если этот мир — только мой...». Иными словами, он задает классический экзистенциальный вопрос — Зачем?

Д-503 наконец признается — его жизнь сделалась ему непонятной. Камю в «Эссе об абсурде» пишет: «...противоречия особенно остры как раз в тот момент, когда так желанна логика...всегда просто быть логичным, но почти невозможно быть логичным до самого конца»²².

Логическое пространство всегда нейтрально. У Витгенштейна граница мира задана субъектом. Но своей волей субъект может изменить эту границу, тем самым изменив и свое отношение к миру. В «Мы» отношение субъекта к миру *уже* определено. Хотелось бы иронично срифмовать: логически-идеологически. Но иронии тут мало; идеология Единого государства — те самые априорные очки. Трансцендентальное условие любого возможного опыта, как сказал бы Кант. В логике процесс и результат эквивалентны. (Поэтому здесь нет неожиданного.) [«ЛФТ», 6.1261]²³ Если мы соединим это с тем, что в логике из «лжи» может следовать все, что угодно, станет абсолютно ясно, чем же логике Единого государства так неуютна душа. Сегодня-завтра она задаст вопросы. Или не задаст, или не спросит. Никогда не угадаешь.

Л.Н. Толстой назвал бы все это «выходом неведения». Жители единого государства не знают и не понимают жизнь. Они, строго говоря, и не живы. Город Замятина — мертвый город. Подобная жизнь, лишь «способ существования (курсив мой — А.В.) белковых тел». Живое же постоянно изменяется, оно *стремиться стать*. А мертвое, как верно отмечает М. Мамардашвили, это то, что не может быть другим²⁴. В Едином Государстве, более того, быть другими нумера даже не имеют права. А значит, не имеют и жизни.

Хуже всего здесь то, что идеологическое сознание (сознание типа Единого государства — А.В.) это сознание, которое само в себе заблуд-

20 Там же

21 Там же

22 Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. - [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.ru/library/camus/01/0.html>

23 Там же

24 Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука, 2014 С. 130.

ждается. Нумеру кажется, что он говорит от лица истины, но говорит он от лица Единого Государства. Оно полагает себя абсолютным, будучи лишь фальсификацией Абсолюта. Разум отныне не гарант истины, это инструмент.

В Едином государстве слышен голос Разума. Но как экземплифицировать этот голос? Кто его конкретный носитель? Где субъект? А получается, что нет никакого субъекта. Все нумера в «Мы» — безликие индивидуальные константы. И для Единого Государства будет настоящей трагедией, если какая-то индивидуальная константа вдруг заживет своей жизнью и нарушит порядок логического пространства.

Но более волнителен другой вопрос — как вообще можно говорить о *ratio*, если мы не можем поставить под него ни одно ответственное лицо. Иными словами, речь об ответственности. «Мир существует до тех пор, пока хоть одно сознательное существо готово взять на себя ответственность»²⁵. Невозможность взятия этой ответственности достаточно проиллюстрировать Нюрнбергскими процессами или же судом над Эйхманом²⁶. Да, Эйхман не убивал лично, но дело то было в том, что искать виновного вообще не имело смысла. Это было дело рук рационально организованной системы, но не Разума.

Единое Государство именно такая система. Когда вакантное место Бога занимает идеология, «мира божьего» не принять нельзя. Даже обратный билет получить не так то просто. «И между искусством творить и искусством повторить — большая разница»²⁷; то, что говорил К. Малевич об искусстве, вполне применимо и к миру в целом. Создавать индивидуальные константы по парадигме одно — творить человеческую душу — другое. Иначе, общество не логический, а органический процесс²⁸.

Никто не может быть инженером человеческих душ. Кстати, Витгенштейн, Замятин и Малевич — прекрасные инженеры, и им ли не знать. Впрочем, то, что если мы будем приравнивать конечное к бесконечному, а потом подвергать результат логическому анализу, то, результат этот не выдержит никакой критики, Витгенштейн и Замятин, безусловно, тоже понимали. И мне не представляется возможным сказать тут точнее, чем сказал Л.Н. Толстой: «Если бы не было так

25 Там же. С. 120.

26 Арентс Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008.

27 Малевич К. Черный квадрат. СПб.: Лениздат, 2013. С. 13.

28 Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука, 2014. С. 163.

ужасно, было бы смешно, с какой гордостью и самодовольством мы, как дети, разбираем часы, вынимаем пружину, делаем из неё игрушку и потом удивляется, что часы перестали работать»²⁹.

«Человеческая душа никогда не может быть рационализована. Всегда остается иррациональный остаток, и в нем — источник жизни. Невозможно рационализировать и человеческое общество... Человек не может допустить, чтобы его превратили в «фортепианную клавишу»³⁰. Развивая эту мысль Н. Бердяева можно сказать, что у каждого человека свой голос, и он не может быть единой нотой. Возможно, он не споет мелодию на четвертой октаве, но быть всю жизнь одной нотой в похоронном марше Единого Государства решительно невозможно.

Разум, изгнанный в дверь, обязательно вернется через окно³¹. С иррациональным произойдет тоже самое. Два начала — рациональное и иррациональное — должны существовать в мире на равных правах. В свете событий XX века это кажется невозможным. Но в противном случае мы рискуем не по наслышке узнать, что такое Единое Государство. «У нас же все будут счастливы...»³², — говорит Великий Инквизитор у Христу. Но какой ценой? Оказывается, что посильной. Как пишет В. Кантор: «Достоевский показывает двусоставность, амбивалентность, диалектику христианства. За Христом могут идти только сильные (это его основа, первая часть), но есть и второе — забота о слабых...»³³. Что-то должно организовывать слабых, и это идеология. «Отказ от церковной организации мира, предупреждает Достоевский, приведет к тому, что слабые восстанут, начнется антропофагия»³⁴. Главный враг свободы — Великий инквизитор, прекрасно это понимает, как понимает неразрешимость этого противоречия и Христос. Потому он, не желая ничего возражать, молча уходит, целуя Великого Инквизитора в бескровные, девяностолетние уста.

29 Толстой Л. Исповедь. - [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0440.shtml

30 Бердяев Н. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: АСТ МОСКВА, ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 411.

31 Порус В. Рациональность. Наука. Культура. - [Электронный ресурс] URL: <http://www.lib.ru/FILOSOF/PORUS/racionalnost.txt>

32 Достоевский Ф. Братья Карамазовы. - [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0100.shtml

33 Кантор В. «Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского: Очерки / В.К. Кантор. М.: РОССПЭН, 2010. С. 93.

34 Там же.

Кто такой Великий инквизитор? Разоблачение Достоевским наступающего тоталитаризма? Сам Достоевский, как известно, решил остаться с Христом, а не с истинной. Однако В. Кантор отмечает, что Достоевский «отстаивал в принципе правильность основной идеи Великого инквизитора, относящейся одинаково ко всем христианским исповеданиям, относительно практической необходимости приспособить высокие истины Евангелия к разумению и духовным потребностям обыденных людей»³⁵. И противоречия здесь нет. Ибо царство Божье в «сем мире» невозможно.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арндт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. - М.: Европа, 2008.
2. Бердяев Н. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. - М.: АСТ, 2007.
3. Витгенштейн Л. Философские работы (Часть 1). - М.: Гнозис, 1994.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права. - М.: Мысль, 1990.
5. Достоевский Ф. Братья Карамазовы. - [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0100.shtml.
6. Замятин Е. Мы. - СПб.: Азбука, 2014.
7. Кантор В. К. О сошедшем с ума разуме. К пониманию контр-топии Е.И. Замятина «Мы» // Философский журнал. 2011. № 2.
8. Кантор В. «Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского: Очерки / В.К. Кантор — М.: РОССПЭН, 2010.
9. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. - [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.ru/library/camus/01/0.html>.
10. Кестлер А. Слепящая тьма. - [Электронный ресурс] URL: <http://www.lib.ru/INPROZ/KESTLER/tma.txt>.
11. Малевич К. Черный квадрат. - СПб.: Лениздат, 2013.
12. Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. - СПб.: Азбука, 2014.

³⁵ Кантор В. «Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского: Очерки / В.К. Кантор. М.: РОССПЭН, 2010. С. 94.

13. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. - СПб.: Азбука, 2013.
14. Толстой Л. Исповедь. - [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0440.shtml.
15. Франк С. Свет во тьме. [Электронный ресурс] // URL: <http://coollib.com/b/231799/read>.